

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

И.В. Бочарников

НЕЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В настоящей статье анализируется содержание принятых высшим военно-политическим руководством России решений по обеспечению национальной и военной безопасности страны, в том числе отраженных в новой редакции Военной доктрины. Важнейшим фактором обеспечения суверенитета и безопасности Российской Федерации является неядерное сдерживание, впервые декларированное в Военной доктрине Российской Федерации. В статье на основе анализа сложившейся военно-политической ситуации в мире раскрывается авторское видение содержания его основных перспективных направлений. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-политический, геополитический и культурно-цивилизационный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, наблюдения. В статье представлены основные блоки направлений неядерного сдерживания, которые детализированы в Военной доктрине. Их реализация в полной мере, на наш взгляд является гарантией, как предотвращения агрессии, так и в целом обеспечении военной безопасности государства. Логика Военной доктрины очевидна – создать условия для того чтобы не было искушения опробовать на прочность безопасность России. Общим же лейтмотивом принятых в конце 2014 года решений в области военной безопасности решений стала констатация, того, что у России есть, что защищать, есть, кому и есть, чем защищать и система стратегического сдерживания в этом плане играет ключевую роль.

Ключевые слова: управление, политика, геополитика, неядерное сдерживание, конфликты, дипломатия, государство, НАТО, США, безопасность.

В конце 2014 года военно-политический лексикон обогатился новым термином — «неядерное сдерживание», до этого используемого лишь специалистами в области военной безопасности. С утверждением Президентом Российской Федерации Военной доктрины [4] данный термин получил широкую известность и стал предметом дискуссий, а также анализа и прогноза политики России в этом направлении уже специалистов более широкого круга.

И хотя в статье 8 Военной доктрины изложено понятийное определение неядерного сдерживания, как «комплекса внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами», а в статье

21 – определены задачи данного «комплекса мер», тем не менее, закрепленные в Доктрине «сухие» формулировки обретают особую значимость.

Это обусловлено тем, что за ними лежит целая программа действий органов государственной власти по обеспечению национальной безопасности и интересов Российской Федерации в новых геополитических и военно-стратегических условиях.

Следует отметить, что сам по себе термин «сдерживание» не является новым в военно-политической практике. Именно сдерживание всегда являлось важнейшим фактором, обеспечивающим безопасность государства, его суверенитет.

Принципы сдерживания известны еще с античных времен. Так, еще в V веке до н.э. китайский военный теоретик Сунь-Цзы в своем знамени-

том трактате «Искусство войны» отмечал, что: «Правило ведения войны заключается в том, чтобы не полагаться на то, что противник не придет, а полагаться на то, с чем я могу его встретить; не полагаться на то, что он не нападет, а полагаться на то, что я сделаю нападение на себя невозможным для него» [11].

Созвучны данным положениям и древнеримский постулат «*si vis pacem, para bellum*» — хочешь мира готовься к войне, а также ставшее крылатым уже в Новое время выражение — «война последний довод королей».

Принципы сдерживания нашли свое отражение и в работах Н. Макиавелли, К. Клаузевица, А. Свечина, Лиделл-Гарда и других военных мыслителей.

Большое внимание этим принципам уделяется и в современной военной аналитике. Особенно преуспели в этом американские аналитические центры, работающие под заказ военно-политического руководства США. Это, в свою очередь, нашло отражение во внешней политике, реализуемой всеми администрациями США, начиная с Дж. Буша-старшего и заканчивая Б.Х. Обамой. При этом сдерживание для американцев имеет вполне определенный объект – Россию, в отношении которой, начиная с 90-х годов прошлого столетия, реализуется весь комплекс внешнеполитических, экономических, финансовых, информационных и иных мер для ее ослабления. Примером тому являются санкции в отношении российских компаний, давление на Саудовскую Аравию с целью демпинга цен на нефть, формирование негативного образа России американскими СМИ, попытки создания антироссийской коалиции и т.д. Все это вписывается в логику сдерживания, но в данном случае целью сдерживания является максимальное нанесение ущерба одному из ведущих государств мирового сообщества, препятствующего своей позицией распространению мировой гегемонии США.

Таким образом, реализация принципа сдерживания является объективной закономерностью развития военно-политической ситуации в мире, обусловленной обострением противоречий между субъектами мировой политики.

Для России же стратегическое сдерживание всегда являло собой важнейший императив обеспечения ее суверенитета и безопасности. Почти 100 лет назад русский философ Н.А. Бердяев, определяя специфику эволюцию российской госу-

дарственности в книге «Судьба России», выделил в качестве ее наиболее характерного признака «сторожевое и оборонительное положение» [2]. В истории России никогда не было ни «Дранх нах Остен», ни «освоения дикого Запада с поголовным истреблением коренного населения». Напротив именно России человеческая цивилизация обязана своим существованием в том виде, в каком оно в настоящее время пребывает. И это особенно важно помнить и напоминать об этом нашим «партнерам» в канун 70-летия Великой Победы Советского народа в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны.

Принципы сдерживания, реализуемые нашей страной, наиболее отчетливо проявились период биполярного противостояния. Именно сдерживание амбиций новоявленного лидера мирового сообщества – США, вступивших во Вторую мировую войну на ее заключительном этапе и получивших максимальные дивиденды от участия в ней, предопределили архитектуру относительно равноправных международных отношений на протяжении практически всей второй половины XX столетия.

Во многом это было обусловлено созданием мощнейшего военно-политического потенциала, гарантировавшего безопасность СССР. И то, что более 300 советских городов в конце 50-х годов XX столетия не постигла участь Хиросимы и Нагасаки, а вслед за ними и большинство других городов Планеты, является следствием сосредоточения усилий государства и общества по обеспечению обороноспособности страны.

Но тогда речь шла именно о ядерном сдерживании. Ключевым этапом в этом стал «карибский кризис», окончательно похоронивший иллюзии США на монополию применения ядерного оружия. Осознание руководством США возможности адекватного ответа со стороны Советского Союза на применение ими ядерного оружия заставило многих американских аналитиков перейти к переосмыслению стратегии биполярного противостояния. В результате произошел отказ от доктрины «массированного возмездия» администрации Д. Эйзенхауэра и переход к более гибкой стратегии ограниченного применения ядерного оружия — так называемой стратегии «гибкого реагирования» (Стратегия «гибкого реагирования» в 1960-х годах являлась официальной доктриной НАТО), в которой ее автор, Г. Киссинджер, видел

более подходящее сдерживающее средство, чем обычная война [10].

Тот факт, что на протяжении практически полувекового периода человечество существовало без каких-либо серьезных глобальных потрясений, во многом является следствием политики сдерживания, проводимой Советским Союзом. В конечном итоге наша страна дорого заплатила за стратегический паритет с США, обеспечивавшим их сдерживание не только в отношении СССР, но и других стран мирового сообщества.

Разрушение военно-политического потенциала страны с последующим распадом СССР привело не только к системному кризису российской государственности, но и осложнило всю систему международных отношений.

Объявив себя в качестве победителей в «холодной войне», США посчитали возможным переустроить мир по своим собственным лекалам, не считаясь при этом не только с суверенным правом народов, но и с международным правом, запрещающим произвольное использование военной силы.

Следствием этого стало то, что на протяжении практически четверти века мировое сообщество живет в состоянии перманентного военного насилия, инициируемого США и их ближайшими союзниками. Наиболее отличительными признаками этого периода стало вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Возложив на себя функции мирового жандарма США, ввергли целые государства в состояние хаоса и междоусобиц.

Так, уже в январе 1991 года США во главе сформированной ими коалиции провели операции «Буря в пустыне». В последующем были операции США в Сомали, Югославии, Афганистане. При этом большая часть военных операций США и их союзников по НАТО была проведена в нарушение международного права — без санкций Совета Безопасности ООН.

Санкцию же на вторжение в Ирак в марте 2003 года США получили путем обмана мировой общественности — демонстрацией на заседании Совета Безопасности ООН пробирки с неизвестным веществом, выдаваемым за споры сибирской язвы, якобы имевшейся на вооружении в иракской армии. В последующем американцы признали свой обман, но только после того как вторжение состоялось, и Ирак был подвергнут «демократизации», следствиями которой и по сей день являются едва

не ежедневные террористические акты, а также конфликты между представителями шиитской и суннитской общин.

Таковы стиль и методы деятельности американской администрации последних десятилетий, декларирующих стремление к утверждению «демократических ценностей и защиту прав», на самом же деле стремящихся к контролю энерго-ресурсных территорий.

Еще одной характерной чертой политики США последних двух десятилетий стала амбивалентность. С одной стороны Соединенные Штаты позиционируют себя в качестве флагмана борьбы с терроризмом, а с другой, — всячески поддерживают различного рода террористические структуры, имитацию борьбы с которыми в последующем демонстрируют мировому сообществу. Наиболее показательна в этом плане ситуация с радикальным движением Талибан, созданном при непосредственном участии США в начале 90-х годов прошлого столетия. В 1996 году Талибан пришел к власти в Афганистане, а уже в 2001 году США свергли этот режим и на протяжении последующих лет имитировали борьбу с ним. Позднее американцы в очередной раз признали свою ошибку, но одновременно с этим приняли активное участие в оказании помощи уже другим террористическим организациям – в Сирии, именуя их не иначе как вооруженной оппозицией. В результате эта «оппозиция» трансформировалась в квазигосударство ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванты), с которым американцы также начали бороться, но так, что не подорвать их потенциал (периодически нанося ракетно-бомбовые удары по позициям боевиков).

Это свидетельствует о том, что амбивалентность по-прежнему является визитной карточкой внешней политики США. Более того своего апогея она достигла в период администрации Б.Х. Обамы, который также как и его предшественники, продолжает курс по «сдерживанию» России. Его отличием является лишь неприкрытая ненависть к России и ее руководству, обусловленная чередой провалов, начиная с получения временного убежища на территории России бывшего сотрудника АНБ США Э. Сноудена (Э. Сноуден до прибытия в Россию обнародовал секретную информацию, касающуюся тотальной слежки американских спецслужб за информационными коммуникациями между гражданами многих государств по всему миру при

помощи существующих информационных сетей и сетей связи), реализации мирного плана по Сирии, предложенного Президентом России и, наконец, крушением иллюзий США и НАТО относительно базирования в Крыму и преобразования Черного моря в натовское.

По всей видимости, проблема не в самом Б. Обаме, а в той стратегии, которую его вынуждают проводить. В основе данной стратегии лежат постулаты гуру американской геополитики З. Бжезинского, изложенные, в том числе, в одной из наиболее знаменитых работ – «Великая шахматная доска». Развитие событий показало, что, по своей сути, эта «доска» давно уже превратилась в паутину, одной последних жертв которой стала Украина.

Время доказало иллюзорность подобного рода «идей». Затратив на ослабление позиций России в Европе, США фактически утратили контроль над Латинской Америкой, в большинстве государств которой едва не общенациональной идеей является антиамериканизм. Не уверено себя чувствуют США и в АТР, становящимся новым центром мировой экономики и торговли, а, следовательно, и политики. Уверено США чувствуют себя лишь в постепенно утрачивающей свою суверенность Европе.

Логика развития российской государственности не укладывается в американские футурологические концепции.

Давление, оказываемое на Россию на протяжении четверти века, лицемерное «партнерство» за счет интересов и безопасности России, в конечном итоге, явились стимулом к переосмыслению концептуальных положений ее военной политики.

Таковой и стала Военная доктрина, в которой уже более четко, по сравнению с предшествующей редакцией, определены военные опасности и угрозы, а также задачи, связанные с обеспечением обороны и безопасности государства.

При этом Военная доктрина Российской Федерации, носит оборонительный характер и предусматривает применение военной силы только для отражения агрессии, поддержания мира и защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации. Право на превентивное использование военной силы Доктриной не предусмотрено. Напротив, в ней отражена приверженность Российской Федерации к использованию для защиты национальных интересов страны и

интересов ее союзников военных мер только после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера.

Это является явным диссонансом в сравнении с «доктриной Обамы» [9], озвученной им в феврале 2013 года, суть которой сводится к утверждению главенства США над двумя гигантскими экономическими блоками – Трансатлантического и Транстихоокеанского, положений новой американской военной стратегии «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты обороны в XXI веке», утвержденной Б. Обамой в 2012 году, а также разрабатываемой в США концепции «глобального удара».

В этих документах красной нитью проходит стремление к глобальной гегемонии США. Лейтмотивом же российской Военной доктрины является сдерживание, в том числе, какой бы то ни было гегемонии по отношению к Российской Федерации. Если для большинства стран европейского сообщества, стремящегося укрыться под «американским зонтиком» понятие суверенитета все больше обретает абстрактный смысл, то для России — это непреходящая ценность. Необходимым же условием, обеспечивающим суверенное развитие России, является ее оборонительный потенциал, обеспечивающий стратегическое сдерживание потенциального агрессора, что и констатировано в Военной доктрине, утвержденной Президентом России 26 декабря 2014 года.

При этом также, как и в предыдущей редакции Военной доктрины (2010 года), ядерному сдерживанию посвящено лишь несколько положений, основным из которых является декларирование права «применить ядерное оружие в ответ на применение против нее (России) и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» (Статья 27).

С учетом имеющегося у России мощного ядерного потенциала данного рода угрозы, на наш взгляд, носят гипотетический характер. Возможность адекватного ответа на любого рода агрессию не способствует принятию решения руководством какого-либо государства или воен-

но-политического альянса об открытом использовании военной силы против России.

В то же время угроза втягивания России в войну очевидна. Об это свидетельствует, с одной стороны, нарастание военной напряженности в мире, вызванное деятельностью США и их союзников, особенно вблизи границ Российской Федерации, а, с другой, — рост агрессивности и непредсказуемости их элит. Серия поражений, понесенных США и их союзниками в начале второго десятилетия XXI века, в значительной мере подорвала их авторитет и политическую значимость. Главной виновницей этих поражений руководство этих стран видит Россию. Но поскольку к открытому вооруженному конфликту они не готовы, ставка делается на изматывание и максимальное ее ослабление. Именно с этой целью нашими «партнерами» искусственно сформирован комплекс внешних военных опасностей, среди которых особое место занимают:

приближение натовской военной инфраструктуры к территории России, наращивание наступательного потенциала Североатлантического альянса особенно в Прибалтике и Черноморском регионе, втягивание в процессы противостояния России не только Грузии, Молдовы и Украины, но и традиционно нейтральных стран Швеции и Финляндии.

создание и развертывание американской системы ПРО в Европе, а в перспективе и в других регионах, сопредельных России, в частности в Грузии, под надуманным предлогом отражения ракетных ударов со стороны КНДР и Ирана;

установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, режимов, политика которых угрожает интересам Российской Федерации, как это произошло в Грузии в 2003 году и на Украине — в феврале 2014 года.

В Доктрине изложен и ряд других внешних военных опасностей, сформированных в последние годы не без участия США и НАТО.

Все более значимыми являются и внутренние военные опасности, определяемые деятельностью, направленной на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране; информационное воздействие на население с целью подрыва исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества; провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма и другие.

Помимо этого, по мнению аналитиков, в перспективе все более значимыми военными опасностями и угрозами будут являться реализация нашими контрпартнерами концепций «Геоцентрического театра военных действий», «Глобального удара», «Сетецентрического пространства» [6]. События на севере Африки, Сирии, на Украине, а также в ряде других государствах свидетельствуют о том, что все больше распространение получают и так называемые гибридные войны.

Таким образом, опасности и угрозы национальной безопасности России, наиболее отчетливо проявившиеся в последние годы, свидетельствуют о том, что ядерное оружие едва ли является абсолютным инструментом сдерживания. Нейтрализация и противодействие вышечисленным угрозам определяет потребность в более широком стратегическом сдерживании, предполагающем реализацию комплекса мероприятий в политической, экономической, военной и других сферах.

Таковым и является впервые декларированное в Военной доктрине Российской Федерации неядерное сдерживание, в котором политические аспекты предотвращения агрессии поставлены на первый план.

Оценка развития военно-политической ситуации в мире дают основание считать, что Россия слишком долгое время игнорировала свои национальные интересы, особенно на так называемом постсоветском пространстве, позволив сформировать на европейском направлении этого пространства новый антироссийский «санитарный» кордон.

В связи с этим вновь подтверждаются слова начальника Главного штаба Русской армии Н.И. Обручева о том, что: «Если Россия бедна и слаба, то это, прежде всего потому, что очень часто она неправильно решала самые коренные политические вопросы: где следует и где не следует жертвовать своим достоинством» [1].

Последнее десятилетие стали переломными в осознании опасности политики уступок во взаимоотношениях с государствами, для которых главной целью является ослабление России. Украинский кризис стал наглядным свидетельством того, что евроатлантическое сообщество во взаимоотношениях с Российской Федерацией преследует только одну цель — ее стратегического окружения и ослабления, причем не только на европейском на-

правлении [3]. Важнейшей перспективой США и их партнеров является достижение полной политической изоляции России. С этой целью реализуется комплекс мер по формированию ее негативного имиджа, а также неприкрытое давление на политическое руководство, как отдельных государств, так и международных организаций.

Тем не менее, для достижения этой цели уже не хватает ни авторитета США и ЕС, ни мощи подконтрольных им информационно-пропагандистских ресурсов.

Авторитет Российской Федерации на международном уровне в последние годы не только не снизился, но и напротив, укрепился, в том числе благодаря, принятию судьбоносных решений по возвращению в состав России Крыма и Севастополя. Время показало, что, несмотря на санкции США, ЕС и примкнувших к ним Австралии, Канады и Японии, это решение в значительной мере укрепило позиции России в мире и нашло поддержку у большинства стран мирового сообщества, уже уставшего от диктата США.

При этом Россия, как отметил Президент в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации, не пойдет «по пути самоизоляции, ксенофобии, подозрительности, поиска врагов. Это все проявления слабости, а мы сильны и уверены в себе. Наша цель – приобрести как можно больше равноправных партнеров – как на Западе, так и на Востоке. Будем расширять свое присутствие в тех регионах, где сейчас набирают силу интеграционные процессы, где не смешивают политику и экономику, а наоборот, снимают барьеры для торговли, для обмена технологиями и инвестициями, для свободного передвижения людей» [8]. В этих словах выражена позиция России о готовности к взаимодействию со всеми мировыми акторами, но только на равноправной основе.

Данная позиция нашла отражение и в положениях Военной доктрины, в которых подчеркнута необходимость поддержания равноправного диалога с Евросоюзом и НАТО, а также содействия построению в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой модели безопасности.

Это предполагает также активную политико-дипломатическую и информационную деятельность по предотвращению и разрешению конфликтных ситуаций мирными, политическими средствами, что также обозначено в Доктрине в качестве важнейшего направления неядерного сдерживания.

Как бы это не воспринималось США и их союзниками, но в обеспечении глобальной безопасности, особенно в разрешении острейших международных кризисных ситуаций без участия России не обойтись. Об этом свидетельствует провал американской «Дорожной карты» по урегулированию палестинско-израильского конфликта. Не менее провальными для США стали итоги инициированной при их непосредственном участии «арабской весны». Эйфория, например, от «победы демократии» в Ливии закончилась едва ли не сразу после убийства победителями американского посла К. Стивенса. И только при помощи России США, Великобритании и Франции удалось выйти из патовой ситуации, созданной их вмешательством в сирийский конфликт.

Без участия России невозможны переговорные процессы по ядерным программам Ирана и КНДР, а также процессы урегулирования других острейших кризисов в Центральной Азии, на Африканском континенте и в других регионах Планеты [7]. Все это свидетельствует о роли и значении России в системе международных отношений [12]. И уже это само по себе является важнейшим фактором стратегического сдерживания. Поэтому все попытки сколотить антироссийский альянс более широкого формата, чем НАТО, терпят фиаско, как это было, например, на саммите «двадцатки» в Австралии.

Основу другого блока направлений неядерного сдерживания составляют меры по обеспечению консолидации российского общества на государственнической основе.

Безусловно, США, стремящиеся к ослаблению России, в своей подрывной деятельности делают ставку на возможность проведения в нашей стране так называемой цветной революции, с последующим приходом к власти марионеточного режима. Через этот путь прошел ряд стран, в том числе, постсоветского пространства, а некоторые такие, как Украина – дважды.

При этом обращает на себя шаблонность сценариев инициирования подобного рода революций, что позволяет принимать меры по нейтрализации попыток их проведения на территории России. Главным же направлением противопоставления подобного рода подрывной деятельности является объединение усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации. Это в свою очередь, предполагает необходимость

формирование оборонного сознания общества и всенародная поддержка оборонных усилий государства, по противодействию как внешним, так и внутренним военным угрозам и опасностям.

Примечательно, что впервые в документе такого уровня в качестве одной из важнейших задач определена разработка и реализация мер, направленных на повышение эффективности военно-патриотического воспитания граждан Российской Федерации и их подготовки к военной службе.

Явление патриотизма свойственное любому государственному образованию для России обретает особый смысл и значение. Вся более чем тысячелетняя история Российского государства свидетельствует о неразрывной связи патриотизма с состоянием безопасности государства и общества, внутривнутриполитической стабильностью, местом и ролью России в мировом сообществе.

Во многом именно благодаря патриотизму Россия обязана не только своим величием в веках, но и существованием в качестве суверенного государства. Вполне закономерно, что в судьбоносные моменты отечественной истории происходило обращение к идее патриотизма как ценности объединяющей все население страны для решения судьбоносных задач. Очевидно, что в настоящее время именно такой судьбоносный момент в очередной раз для России настал и именно поэтому проблемам эффективности военно-патриотического воспитания граждан Российской Федерации и их подготовки к военной службе уделено внимание в Военной доктрине. И это то же является элементом неядерного сдерживания.

Принципиально важно в этой связи отметить, что все перечисленные выше меры, безусловно, будут эффективны при условии, что собственно военный потенциал государства будет достаточен для отражения любого рода агрессии, в том числе и крупномасштабной.

Его важнейшими компонентами являются создание необходимой оборонной мощи государства, опирающейся на высокотехнологическую оборонную промышленность, оснащение вооруженных сил и других войск современными видами оружия и военной техники [13-14].

На состоявшейся в конце 2014 года итоговой коллегии Министерства обороны, с участием главы государства, были приведены данные,

свидетельствующие о качественных изменениях, произошедших в Вооруженных Силах – как основе военной организации России.

Так, по словам по Президента России общий объем гособоронзаказа в 2014 году с предыдущим периодом вырос в 1,5 раза, в войска поступили более 4,5 тысяч новых образцов вооружения и военной техники. Такого перевооружения российская армия не знала с конца 80-х прошлого столетия. Практически все виды Вооруженных Сил: авиация, флот, сухопутные войска и другие получили новое вооружение и военную технику. К концу 2015 года доля новых видов вооружения и техники должна, по словам Президента, составлять от 30 до 60%. Более детально данные о перевооружении в докладе Министра обороны.

Всего же данным открытых источников в 2014 году в Сухопутные войска поставлено два бригадных комплекта оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер-М», двести девяносто четыре модернизированных танка, двести девяносто шесть других боевых бронированных машин, две зенитные ракетные системы ПВО Сухопутных войск С-300В4. Сто сорок два самолета получили Военно-воздушные силы. Пять надводных кораблей, десять боевых катеров различных классов поступили в состав Военно-морского флота. Также ВМФ получил атомный подводный крейсер с крылатыми ракетами «Северодвинск» и большую подводную лодку «Новороссийск». И это только то вооружение, относящееся к категории так называемого неядерного сдерживания [5].

Данные приведенные в выступлениях главы государства и Министра обороны свидетельствуют о внимании руководства страны к вопросам обеспечения обороноспособности России. Примечательно, что одновременно с Военной доктриной Президент России утвердил и Государственную программу вооружения.

Наряду с оснащением и перевооружением большая работа была проведена по повышению качества и интенсивности боевой подготовки. В 2014 году, по заявлению Министра обороны С.К. Шойгу было проведено более 3.5 тысяч тренировок и учений, в результате которых боевые возможности Вооруженных сил РФ выросли в 1,3 раза. В результате мир, по словам Министра обороны, увидел совершенно новую армию России, способную эффективно решать задачи и обеспечивать безопасность государства.

Библиография

1. Аналитическая записка начальника Главного штаба. Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению //Документы русской истории. Приложение к журналу Родина, 1994. №6.
2. Бердяев Н.А. Судьба России: опыт по психологии войны и национальности. – Пг., 1918. – С.7.
3. Бочарников И.В. Украинский кризис как следствие политики ЕС и НАТО по созданию пояса стратегического окружения России. В сборнике материалов Политический кризис на Украине: уроки и выводы для России. Республика Крым и город-герой Севастополь – возвращение в Россию. М.: Издание Совета Федерации, 2014.
4. Военная доктрина Российской Федерации <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>
5. Военные итоги года — 2014 в цифрах. http://defendingrussia.ru/army/kollegija_minoborony_itogi
6. Мордасов А. Войска глобального назначения <http://svpressa.ru/war21/article/107563/?rss=1>
7. Основные внешнеполитические события 2014 года http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/
8. Послание Президента Федеральному Собранию <http://kremlin.ru/transcripts/47173>
9. Рогов С.М., Шариков П.А. и др. Доктрина Обамы. Властелин двух колец // РСМД. 2013. 6 мая.
10. Рымник М.И. Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. университета, 2004. – С.32.
11. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. – М.: Воениздат, 1955. 13. Манойло А.В., Низовкина И.А. Особенности австрийского федерализма // Международные отношения. – 2014. – №2. – С. 180-183. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.2.11169. 14. Манойло А.В. Роль стратегий «управляемого хаоса» в политическом кризисе в Украине. // Международная жизнь. – 2014. – №7.-С. 118-135
12. В. П. Торукало Федерализм и субъектность современной России // Политика и Общество. - 2012. - 4. - С. 68 - 76.
13. Кикоть-Глуходедова Т.В. Функционирование системы обеспечения внутренней безопасности в государственном механизме США // Полицейская и следственная деятельность. - 2012. - 1. - С. 37 - 46. URL: http://www.e-notabene.ru/pm/article_734.html
14. Зворыгина М.А. Российский федерализм и зарубежный опыт консociальной демократии // Тренды и управление. - 2014. - 1. - С. 14 - 20. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.1.12384.
15. Дашичев В.И. Новая “холодная война” США против России // Тренды и управление. - 2014. - 4. - С. 345 - 356. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.4.13010.

References (transliterated)

1. Analiticheskaya zapiska nachal'nika Glavnogo shtaba. Osnovnye istoricheskie voprosy Rossii i nasha gotovnost' k ikh resheniyu //Dokumenty russkoi istorii. Prilozhenie k zhurnalu Rodina, 1994. №6.
2. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii: opyt po psikhologii voiny i natsional'nosti. – Pg., 1918. – S.7.
3. Bocharnikov I.V. Ukrainskii krizis kak sledstvie politiki ES i NATO po sozdaniyu poyasa strategicheskogo okruzheniya Rossii. V sbornike materialov Politicheskii krizis na Ukraine: uroki i vyvody dlya Rossii. Respublika Krym i gorod-geroi Sevastopol' – vozvrashchenie v Rossiyu. M.: Izdanie Soveta Federatsii, 2014.
4. Voennaya doktrina Rossiiskoi Federatsii <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>
5. Voennye itogi goda — 2014 v tsifrakh. http://defendingrussia.ru/army/kollegija_minoborony_itogi
6. Mordasov A. Voiska global'nogo naznacheniya <http://svpressa.ru/war21/article/107563/?rss=1>
7. Osnovnye vneshnepoliticheskie sobytiya 2014 goda http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/
8. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu <http://kremlin.ru/transcripts/47173>
9. Rogov S.M., Sharikov P.A. i dr. Doktrina Obamy. Vlastelin dvukh kolets // RSMD. 2013. 6 maya.

10. Rymnik M.I. Bezopasnost' Soedinennykh Shtatov Ameriki: istoriya, teoriya i politicheskaya praktika. – Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. universiteta, 2004. – S.32.
11. Sun'-tszy. Traktat o voennom iskusstve. – M.: Voenizdat, 1955. 13. Manoilo A.V., Nizovkina I.A. Osobnosti avstriiskogo federalizma // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – №2. – S. 180-183. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.2.11169. 14. Manoilo A.V. Rol' strategii «upravlyaemogo khaosa» v politicheskom krizise v Ukraine. // Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2014. – №7.-S. 118-135
12. V. P. Torukalo Federalizm i sub'ektnost' sovremennoi Rossii // Politika i Obshchestvo. - 2012. - 4. - С. 68 - 76.
13. Kikot'-Glukhodedova T.V. Funktsionirovanie sistemy obespecheniya vnutrennei bezopasnosti v gosudarstvennom mekhanizme SShA // Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. - 2012. - 1. - С. 37 - 46. URL: http://www.e-notabene.ru/pm/article_734.html
14. Zvorygina M.A. Rossiiskii federalizm i zarubezhnyi opyt konsotsial'noi demokratii // Trendy i upravlenie. - 2014. - 1. - С. 14 - 20. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.1.12384.
15. Dashichev V.I. Novaya "kholodnaya voina" SShA protiv Rossii // Trendy i upravlenie. - 2014. - 4. - С. 345 - 356. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.4.13010.